

Марина
БОЛДОВА

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

ЭНДШПИЛЬ С БРИЛЛИАНТОВЫМ КОНЕМ

*Иногда
фамильные
тайны несут
в себе и проклятие,
и благословение*

Семейный детектив

Марина Болдова

**Эндшпиль с
бриллиантовым конем**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болдова М. В.

Эндшпиль с бриллиантовым конем / М. В. Болдова —
«Издательство АСТ», 2026 — (Семейный детектив)

ISBN 978-5-17-184692-3

Предательство жениха и подруги заставляет Аксиныю покинуть столицу, оставить бизнес и вернуться в родной город. Но здесь ее ждет еще один горький сюрприз: отец, к которому она едет, поселил в их доме семью своей любовницы, ей места там нет. Она уходит. В тот же день погибает отец, а Аксиныя обнаруживает у себя среди вещей фигурку шахматного коня, украшенного драгоценными камнями и золотом, которую раньше никогда не видела.

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184692-3

© Болдова М. В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марина Болдова

Эндшпиль с бриллиантовым конем

© Болдова М., 2026

© ООО «Издательство «АСТ», 2026

Майор Костин оформлял протокол осмотра места происшествия, машинально записывая то, что говорил судебный медик. Он впервые за время работы следователем СК был ранее знаком с жертвой. И очень жалел об этом...

* * *

Прохладный летний ветерок слегка шевелил тонкую сетчатую шторку, закрывающую выход на балкон. До стола, за которым сидел хозяин кабинета, холодок не добирался, и Федору было душно в белой футболке, туго обтягивающей грудь. Он пытался думать, но четкие поначалу размышления буквально через минуту спутывались в клубок, тот становился все больше, словно какая-то невидимая рука все наматывала и наматывала на основу тонкие нити. Получалось то, что называют наваждением. Федор тряс головой, прогоняя его, на миг становилось легче, он тут же брал в руки стакан и выпивал залпом содержимое. Забросив вслед кусочек шоколада, откидывался на подголовник офисного кресла. После, расслабленно развалившись, уже без всяких мыслей смотрел на потолок кабинета через мутное стекло стакана. Лепнина в центре, под хрустальной люстрой, восстановленная реставратором, расплывалась в причудливые волны, он по очереди прищуривал то один глаз, то другой, создавая оптическую иллюзию движения. Зачем? Он не смог бы ответить, спроси его об этом хоть кто-то. Но в этом старинном особняке, выкупленном им под офис его компании, он сейчас был один. Не считая охранника на первом этаже.

Федор только что допил вторую бутылку игристого, последние несколько глотков дались с трудом – он не любил какие бы то ни было шипучки от лимонада до шампанского. Но сейчас ему было все равно, что пить, лишь бы булькали градусы. Потому что не только стакан был мутным, захватанным пальцами, измазанными подтаявшим шоколадом, но также липко-муторно было на душе.

Он никогда не думал, что вот так сможет поступить... Всю жизнь своих подруг от их с дочкой маленькой семьи держал на расстоянии, а тут влюбился. Думал, Ксю поймет, лет-то ему уже сколько! Это же последняя его любовь, как последний вздох. Да и живет дочь в Москве, все хорошо у нее. А она вдруг сегодня вернулась. И вышло так, что он дочь предал...

Застрелился бы, если б греха смертного не боялся. Греха самоубийства. Остановило и то, что вспомнил – было уже, почти двадцать лет назад – хотел вот так же с жизнью расстаться. Выходит, слаб он? Раз вспомнил...

Федор любил свою молодую жену до дрожи, трепетал перед ней, оттого и больно было от ее измены так, что закрыв за ней дверь, решил уйти из жизни. Уже достал травмат из ящика стола, приставил к виску – разнесет полбашки, даже не сомневался! Но тут взглянул в зеркало в рост, стоявшее рядом у стены, и вдруг заржал, как ненормальный, до того паршиво смотрелся на фоне бледно-розовых занавесочек с рюшами на окне их спальни. Прямо как раз за его спиной. Всклоченный небритый мужик, смуглый, как цыган, в трениках «Аидас» и с голым волосатым торсом. Обезьян с гранатой. Нет, с травматом!

Кинул оружие обратно в ящик, ключ повернул и забросил его в причудливой формы вазочку, которую «оседлал» гипсовый ангелок с крылышками. Указательным пальцем зачем-то погладил пухлого младенца по голове, и это нехитрое действие неожиданно успокоило. Федор

чертыхнулся, подмигнул своему отображению в зеркале и отправился в душ... Настолько сильны были эмоции, что запомнил каждое свое движение, каждую мысль и ту единственную слезу, выкатившуюся из глаза то ли от досады, то ли от страха из-за того, что чуть не натворил.

Стоял под тугими струями воды и уговаривал себя – на кой ляд терпел?! Какого ляха он, бывший детдомовский пацан, всю молодость дравшийся насмерть за место под солнцем, влюбился в эту избалованную профессорскую дочку? Пианистку, так ее! Как случилось-то? Увидел, остолбенел и поплелся за ней, только бы не выпустить из виду. Марьяна шла с подружкой впереди, а он, словно замороженный этой неземной красоты принцессой, вдыхал «шлейф» ее духов. Заговорил, лишь когда понял, что встали они втроем у подъезда дома, где девушка живет.

Теперь этот запах ему казался приторно-тошнотворным!

Ему уже тогда насторожиться бы – бабе почти двадцать, а она вся в розовом, словно кукла. Розовыми были и укороченные сапожки, и легкая курточка, и юбка-плиссе. В руке – такая же сумочка в тон. И заколки в волосах в виде розовых же розочек. Рядом подружка – нормально одетая, высокая девица в джинсах и кожанке. Ее отметил только мельком, лица не запомнил. Позже, на свадьбе, даже знакомился заново.

Сам свадебный банкет помнил смутно. Но Марьяна, ее улыбка, первый танец с ней и ее щебет ему на ухо запомнил четко. Недавно, глядя на фотографии, отметил, что даже в свадебном платье она была похожа на кремовый торт. Но тогда Федор млеет – до чего хороша его бледнолицая невеста! Какая разница, в каком платье?! Он ее... разденет скоро, вот только дожидаться бы, когда отпустят их с тяготящего свадебного банкета в его квартиру. Пусть и в двадцатиметровую «гостинку» в доме коридорного типа, которую он получил после выпуска из детского дома, но в свою. Где нет ее папы, мамы и бабки. Старой ведьмы, которая при знакомстве с ним только что не плевала в его сторону. Впрочем, нос воротили и родители Марьяны.

На дворе – конец девяностых, как было не замутить бизнес? Кормить свое сокровище нужно. Да и новым родственникам доказать... Что? Зачем? Работал же до этого на автомобильном заводе, на расширение жилплощади в очереди стоял. Но нет, ждать некогда! Начал с аренды гаража. Мелкий ремонт ходовой, шиномонтаж. Однажды пригнали убитый в хлам «мерс» конца сороковых. Федор его чуть не языком вылизывал, каждую детальку. Могался по районам и городам, доставал, менялся, выкупал за собственные деньги. Когда закончил автомобиль, увидел восторг в глазах заказчика, понял, чем будет заниматься. К черту наш автопром, эти ведра с болтами, только иномарки! И как хобби для души – ретро-автомобили.

Через каких-то пять лет у него было уже два салона и СТО, квартира в центре стометровая, бело-розовая спальня в стиле шебби-шик, что б его, этот... шик! И было еще чудо – дочь: черноволосая, чернобровая, но светлолицая чертовка. Федор впахивал сутками, а жену-то упустил – спуталась Марьяна с дирижером оркестра – времени свободного полно, дочь с нянькой, а она гуляла-развлекалась. Чего не хватало?!

Убить хотел, но что-то дрогнуло внутри, отголосок той самой любви, наверное. Решил выгнать ее вон, но дочь Марьяне не отдавать.

Выгнать-то выгнал, но не по-доброму, сотворил тогда подлость, потом жалел, но назад отыграть уже было никак...

Через пару лет вдруг пришла к Федору бывшая теща и стала слезно умолять разрешить видиться с внучкой. Пожалел женщину, одна осталась – муж бросил (слинял к молодой аспирантке), мать, карга старая, отправилась к праотцам. Да и Федору одному с Аксиньей тяжело было справляться, няньки приходящие как одна не нравились ни ему, ни малышке. Попросил как-то от безысходности тещу посидеть с внучкой, вернулся вечером из офиса – дома вкусно пахнет, ребенок весел, чистота кругом. Вскоре перевез тещины вещи к ним, чтобы не оплачивать каждый день такси с другого конца города. Свою квартиру та сдала, деньги от аренды

внучке на счет стала складывать – на приданое. Федор только удивлялся – куда спесь и гонор профессорской жены подевались? Он матери не помнил, а тут чужая совсем женщина стала ему как мать. А уж в ребенке бабушка души не чаяла. Жили втроем, чинно-размеренно, но недолго – Ксюха еще в школу не пошла, как бабушка умерла. И снова: то нянька очередная, то милосердная соседка...

А для него – временные подруги, так, для здоровья...

Неожиданный звук отвлек его от воспоминаний. Это был скрип балконной двери. Порыв ветра?

Когда Федор убрал от лица стакан, то увидел, что перед ним стоит высокий мужик, одетый в черное. На голову была натянута балаклава.

– Ты еще кто такой? Бэтмен? – без страха, со смешком спросил Федор, ставя стакан на стол. – Ну?! Чего молчишь? Ты как прокрался в здание? Охрана спит, что ли? – потянулся он к тревожной кнопке под столешницей.

Но тут же убрал руку, потому что незванный гость резко стянул с головы балаклаву.

– Не может быть... Явился-таки! Значит, решил... Прав Геныч оказался, – усмехнулся Федор: вот еще одна проблема до кучи. – Выходит, не устраивает тебя наше предложение? Что, совсем прижало? Столько лет не вспоминал, с чего вдруг?

– Не твоя печаль, Яма! – скривился гость. – Отдай по-хорошему, и я уйду. Только твоя доля осталась.

Глядя на его кривую ухмылку, Федор вдруг разозлился.

– А что будет, если скажу нет? – с угрозой спросил он и тут заметил в руке незваного гостя пистолет.

Федор приподнялся с кресла. Пошатнулся и, чтобы позорно не плюхнуться обратно, рукой оперся о стол. «Набрался-таки шипучки. Голова гудит, ноги не идут», – подумал невесело и сделал шаг вперед.

Плечо обожгло так неожиданно, что раздавший перед этим хлопок он с возникшей болью поначалу не связал. Машинально схватившись правой рукой за раненое плечо, он с удивлением посмотрел на гостя.

– Совсем берега попутал, бандюга? – тихо, с угрозой произнес он.

– Теперь дошло, что не шучу? Где они? – сделал тот пистолетом круговое движение. – В сейфе?

– Зря сюда пришел, я такие ценности в офисе не храню, – усмехнулся Федор и тут же себя обругал: теперь эта скотина завалится к нему домой. Хорошо, семейство он вчера отправил к морю! И дочь... выгнал...

– Неужели в квартире? Там у тебя целый табор, не боишься, что найдут? Или просто время тянешь? Где ключ от сейфа, Яма?

– В кармане. В сейфе только бумаги... – Федор сделал еще один шаг. Кнопку он нажать не успел, второй выстрел прозвучал не так глухо. Или Федор уже ждал его? Скорее, да... На этот раз обожгло ногу выше колена. Он машинально сделал пару шагов, но упал, больно ударившись виском об угол стола. Сознание не потерял, но боль была такой сильной, что не смог удержаться от стога. Федор собрал силы и сел, прислонившись спиной к тумбе стола.

Он спокойно сидел, пока гость шарил по карманам. Потом наблюдал, как тот, сидя на корточках, открывает сейф, копается в нем. Потом вдруг замирает, насторожившись, потому что стали слышны шаги бегущего человека.

– Черт! – незванный гость поднялся в полный рост.

В том, что бандит не убьет его, пока не узнает, где тайник, Федор не сомневался. Он должен понимать, что мертвый он уже ничего не скажет.

Но, как оказалось, он ошибся. Глядя на наведенное на него сверху вниз дуло, Федор вдруг ясно осознал, что теперь сделать ничего не успеет. Даже, если дотянется до тревожной кнопки, этот придурок выстрелит и в третий раз. Только в упор и наверняка. Но попытаться стоило. Федор вновь собрал силы и дернул здоровой рукой за ногу гостя. Тот упал, одновременно прозвучал и выстрел. На этот раз пуля угодила Федору в бедро. Он видел, как преступник вскочил и рванул к балконной двери. В руках он держал ноутбук Федора и его же барсетку, в которой лежали ключи от квартиры, водительские права и фотография дочери. В запертую еще Федором дверь заколотили, потом с громким щелчком повернулся в замочной скважине ключ.

– Федор Андреевич, вы меня слышите? Я вызвал скорую и полицию, уже едут. Держитесь! Пойду их встречу! – суетился рядом с ним пожилой охранник. – Я пошел, да? Только вы не умирайте! – крикнул тот на бегу и скрылся за дверью.

А Федор был уверен, что умирает. И не от нанесенных гостем ран, а от начавшегося сердечного приступа. До таблеток не дотянуться, они в ящике левой тумбы стола. Даже если попытаться проползти эти пару метров... Но сил уже не осталось. Федор закрыл глаза. Боль усиливалась, казалось, болит все тело, каждая клеточка, а пульсации резкими толчками отдают в мозг. Федор почувствовал страх. Это была не боязнь близкой смерти, а сожаление, что не успел покаяться. Попросить прощения у дочери за ее мать, которую выгнал вон так жестко, и за то, что сегодня фактически выгнал из дома и ее...

Федор услышал приближающиеся шаги, кто-то громко топал по лестнице. Последнее, что увидел – мужчину в голубом костюме фельдшера скорой помощи. «Опоздали, господа», – еле выговорил он и закрыл глаза.

Глава 1

Аксинья, не обращая внимания на Толика, который что-то говорил, торопливо открыла электронную почту. Пока они поднимались по лестнице, оповещение о полученных письмах прозвучало на мобильном дважды. Поэтому, как только они вошли в квартиру, Аксинья бросила чемодан на диван, достала из него ноутбук и расположилась за столом.

Она вернулась в родной город из столицы, где потеряла разом все – жениха, работу и подругу. Банальность произошедшего ее просто убила: ну, ладно, изменил, но с кем! С Жанкой! Которая не только подруга, а еще и партнер по бизнесу, который они вдвоем выстраивали два года! И теперь, когда все налажено-отлажено до последнего штриха – сайта, эти двое – Жанка и Вадик подложили «свинью», как считала Аксинья, всем троим. Послав в пень обоих «бывших», она выдернула свои деньги из общего дела, собрала вещи и рванула домой к отцу.

Зря она готовила сюрприз папочке, тот, оказывается, с подарком ее опередил: с порога выяснилось, что в их квартире плотно обосновалось длинноногое, глазастое и грудастое чудо – его секретарша Мила. Опять же, бог бы с женщиной, но, если б была нормальная тетка папных лет, желательна умная, образованная и приятной наружности! Но Милорада Светличная и лицом, и фигурой, и статью походила на единственную уцелевшую в городском парке скульптуру сталинских времен – девушку с веслом. Почему возникла именно такая ассоциация при первой же встрече с Милой в приемной офиса отца, Аксинья не задумывалась. Но первое мнение оказалось точным: схожесть с мраморным изваянием была потрясающей, так как Мила двигалась мало и неторопливо и часто застывала на одном месте в нелепой позе, например – с приподнятой рукой, в которой были документы. Или еще – с лейкой возле кадки с пальмой. О чем думала в этот момент, было загадкой. Лицо ее при этом выглядело особенно неживым. Оно и так-то у нее было бледным и аккуратно вылепленным природой: придраться было не к чему: размер и форма его черт были классически идеальны. Пожалуй, чем и отличалась Мила от парковой статуи – размером груди: девушка с веслом, оживи она хоть на миг, позавидовала бы Милораде однозначно. Впрочем, над грудью, вероятнее всего, поработала не природа, а вкаченный хирургом силикон.

Почти что в молчании (ее вопросы без ответа отца не в счет) выпив с папой кофе, Аксинья подхватила чемодан и двинулась к своей комнате – ну, потерпит она и Милораду, раз папуле приспичило. В крайнем случае, закроется от них на своей территории. Но ее остановил робкий голос отца. Ее детская оказалась занятой малолетней дочерью Милорады. Этот, второй, сюрприз родителя оказался для Аксиньи более болезненным. Но третий – наличие в няньках ребенка сразу двух Светличных – матери и бабки Милы, которые квартировались здесь же, добил окончательно.

Были бы те в тот момент в квартире, Ксю не сдержалась бы, высказалась. Но она лишь слегка прослезилась с досады. Предательство жениха и подруги, видимо, ее уже закалило, поэтому, бросив на отца полный упрека взгляд, она подхватила чемодан и шагнула за порог квартиры, где выросла. Правда, сняв с ключницы ключ от ее единоличной собственности – дачного дома. Отец не сказал ни слова и не остановил...

И надо было ей в подъезде столкнуться с Толиком Снегиревым, другом ее детства! Он как раз спускался от своих родителей, которые жили этажом выше.

Толик быстренько уговорил ее на пустую бабулину однушку в соседнем доме, несмотря на то, что после ее отъезда в Москву Аксинья с ним прекратила общение совсем. Московская жизнь закрутила, звонки друга она сбрасывала (а о чем с ним говорить?), не отвечала и в мессенджерах, получилось – она вычеркнула его из своей жизни...

– Ксю, откуда у тебя такая... ммм... штучка? – услышала Аксинья голос Толика. Тот опять возник у нее за спиной, неслышно подкравшись.

– Ты о чем? – не отрываясь от экрана ноутбука, спросила она: письмо, которое она читала, было длинным, но бестолково написанным на эмоциях бывшей подружкой. Но в нем содержалась нужная ей информация.

Господи, как же он ей мешал, этот друг детства, давно ставший далеким и ненужным. Мрак! А выгнать из комнаты не получится – его территория.

Аксинья обернулась, чтобы посмотреть, что за «штучку» вертит в руках Толик. Это была фигурка шахматного коня. И Ксю ее точно видела впервые.

– Ты где ее взял?! – набросилась она на друга.

– Из чемодана твоего взял! Из открытого! А че, не твое это? На, глянь поближе, – Толик сунул ей в руку фигурку.

Аксинья вдруг покраснела: чемодан она оставила на диване, все вещи в нем лежали вперемешку, как покидала еще в московской квартире. А этот недоумок в нем рылся, что ли?

– Ну? – От нетерпения Толик только что не приплясывал.

– Не мое! – с удивлением заметила она.

– А чье? Стырила где по-тихому? – глупо хихикнул тот.

– Дурень, не суди по себе, – спокойно, без эмоций выдала Аксинья и поставила шахматного коня на ладонь. Фигурка, высотой сантиметров пять, была выточена из какого-то белого камня и оказалась довольно тяжелой. Тонкая витая нить из желтого металла обвивала ее по спирали, между витками были вставлены прозрачные стразы, глазницы коня сверкали «сапфирами», а округлое основание обрамляло кольцо из «рубинов».

– Иди ж ты! Золото, брильянты! Стоит, наверняка, немерено баксов, – раздался взволнованный шепот рядом с ее ухом.

– Какие бриллианты, Толик? Стразы, металлические нити.

– Да ты что! Ты глянь внимательно – коню этому сто лет, не меньше! Ухо вон чуток отбитое. – Толик взял с ее ладони коня и перевернул его. – Бархатная наклейка, смотри, вся истерлась!

– Вытерлась, – машинально поправила Аксинья, признавая его правоту.

И задумалась. Как и когда конь мог оказаться в ее чемодане? В московской съемной квартире, где они жили с Вадимом, она собиралась в одиночестве, то есть положить фигурку в чемодан самолично не могла. Или могла? Машинально вынув из ящика комода, где держала всякую канцелярию. Что она там доставала? А... печать их с Жанкой совместного «ООО». Взяла, больше не доверяя «бывшим» ни в чем! Мало ли какие документы те могут сострять, подпись у Аксиньи немудреная, две буквы: «Я» заглавная и «м», а дальше загогулина. Подделывать легко, потом печать шлепнуть и готово.

Только убей, не помнила она этого коня...

Могла, не глядя, смахнуть фигурку с полки в горке. Бардак там царил постоянно, складировалось все, в данный момент ненужное, но в перспективе – а, вдруг? Что-то ей там понадобилось найти... Вспомнила – набор пустых емкостей для путешествий. Такие маленькие флакончики и баночки, куда можно налить шампунь, гель для душа, положить немного крема из больших упаковок. Взяла большой круглый хохломской поднос и выгребла на него с полки все подчистую. Нашла прозрачную сумочку с емкостями... и все. Не было там фигурки точно, не заметить такую красоту нереально.

Чемодан она набила плотно, до лифта, потом до машины кое-как доволокла, и в багажник своей малолитражки запихнула с трудом. Злость придала сил, а так бы пришлось помощи просить. Как раз парень шел мимо, сосед по этажу. Перекинулись парой фраз, она села за руль и уехала, попрощавшись. К машине близко он не подходил, да и багажник был уже закрыт.

В мотеле? Одну ночь она спала в крохотной придорожной гостиничке. Чемодан с собой в номер не брала, только кое-какие вещи из него. Авто на сигнализации оставляла на закрытой стоянке. Утром, в шесть, уже выехала. Завтракала в кафе через пару часов пути, позвонила отцу, предупредила, что едет.

Отец... да, кроме него подкинуть фигурку не мог никто. Пока она была в ванной комнате, он минимум пятнадцать минут имел свободный доступ к чемодану. А зачем ему понадобилось подкинуть эту вещицу ей? И что это значит? Откуп? Или подарок?..

– Ну, Ксю, не молчи! Сообразила, кто тебя одарил?

– Подожди, позвоню. Чайник поставь пока, – то ли приказала, то ли попросила она.

– Да не буду я подслушивать, больно надо. Мутная ты стала, Ксюха. Секреты от меня...

– Иди, Толик!

Аксинья набрала номер отца, но тот не ответил. Тогда она позвонила Миле, надеясь что ее номер телефона остался прежним.

– Отец где? Позови! – приказала она, забыв поздороваться.

Мила ответила набором протяжных звуков, среди которых самыми ясными были междометия, и Аскинья поняла, что либо отец не в состоянии ответить, либо ушел из дома, оставив телефон. Смысла выяснять подробности не было, она отключилась. «Ладно, позже наберу его еще раз», – решила Аксинья, и уставилась на Толика, застывшего в дверях комнаты с подносом в руках.

– Я осел, Ксю, ты ж голодная. Прости. В этой хате у меня только сушки и пряники. Водка еще. Хочешь? – спросил он с надеждой.

– Не употребляю, Толик, давай чай с сушками, – махнула рукой Аксинья.

– Не дозвонилась отцу, – небрежно заметил тот, ставя поднос на стол.

Она не ответила. Все планы, которые она выстраивала всю дорогу от Москвы до дома, показались ей теперь ненадежными. Потому что она не была уверена, что отец поможет. Если там рулит Милорада со своим семейством, а папенька подчиняется, попивая любимый коньячок, то квартиру продавать он откажется. Может даже отказаться оплачивать съемную, а у нее лишних денег нет. Только в обрез на то, чтобы начать дело заново. Впрочем, если Толик оставит ее здесь надолго... ей нужен год, от силы полтора, чтобы набрать местную клиентуру и начать стабильно зарабатывать.

Был еще вариант – продать дачу в Стромиловском. Наследство бабушки, собственность Аксиньи, неделимая ни с кем. Но, черт возьми, как жалко-то!

– Сходи к нему еще раз, Ксю. Мои говорят, запутался он, когда связался с этой телкой Милой. Выживет из квартиры его эта бесовская кодла, говорят, жениться он на Милке собирается.

– Почему бесовская? – вяло спросила Аксинья.

– Так бабка там – ведьма! С Молдовы они, типа беженцы. Она там колдовкой была, и здесь этим же промышляет. Ходят к вам в квартиру разные тетки по своим бабьим делам. И деньги ей платят.

– И что, помогает она? – рассмеялась Аксинья, которая во всякую бесовскую муру и прочие гадания на гуще и черных бобах не верила.

– Наверное, если ходят и ходят. Смейся! Вот останешься без жилья! Тогда у тебя будет только один выход!

– Это какой-же, Толик?

– Замуж за меня пойдешь, – с торжеством произнес друг детства. – Распишемся, отец с матерью давно от меня внуков ждут. Я нагулялся уже, Ксю, так что мужем буду верным. Не обижу.

Аксинья рассмеялась бы, если б не был так серьезен Толик. Обидеть его побоялась.

– Толик, я не хочу лезть ни в какие отношения сейчас, тем более, в законные. Только что... впрочем, ладно...

– Договаривай, Ксю! Был у тебя в Москве кто? От него сбежала? Изменил? – закидал вопросами Толик, заставив Аксиныю покраснеть. Не готова она была признаться, что ее кинули! Даже старому другу.

– Не отвечай, и так все ясно. Короче. Вечером вдвоем идем к твоему отцу. Сейчас мне на работу, вернусь в восемь. Если что, звони, – положил он перед Аксиной визитку.

«Фитнесс-клуб «Импульс». Улица Набережная, дом пять, строение один. Снегирев Анатолий Станиславович. Тел...»

– Ты там кем, Птица? – спросила Аксиныя, назвав друга детской кличкой. – Тренером?

– Почти, Ксю. Мой это клуб. Звони, если что, – повторил он и вышел. Через несколько секунд хлопнула входная дверь.

«Набережная, пять... это же в ЖК «Порт»! Ничего себе, там аренда космическая. Интересно, на какие шиши Толик открыл этот клуб? Что вообще я о нем знаю?!» – вдруг спохватилась она, боясь подумать о худшем – Толик каким-то образом снова связался с криминалом...

Им было по пятнадцать, когда этот болван чуть не присел на зону за участие в драке. Не прошел мимо! Бились серьезно, среди бившихся были «свои». Когда один из «врагов» остался лежать на земле, истекая кровью, возле него оставался лишь Толик. Его прибывшая полиция и задержала. Остальные сбежали. Тогда Аксиныя дала ему определение, которое он точно заслуживал – дурень. Отец Аксины оплатил ему хорошего адвоката, который провел свое собственное расследование. Плюс хорошая характеристика из школы, спортивной секции и родительского комитета класса.

Отмазали тогда дурня, не без взятки, конечно. Хорошо, летние каникулы начались, он документы из школы забрал и в колледж отнес. Как чемпиона его взяли на бюджет с тройками в аттестате, лишь бы числился...

«Так. Пока не выясню, откуда у Толяна деньги на клуб взялись, никаких с ним дел. Уеду на дачу в Стромиловское, пусть тридцать пять километров от города, вода по средам и туалет в саду, – зато подальше от такого дружка», – решила она.

Глава 2

– Мужчина, на вид пятидесяти лет, рост примерно метр восемьдесят, на правом запястье царапины от острого предмета, гематома височной части головы, предположительно от удара об угол стола при падении... Смерть наступила по первичным признакам от ...

Костин оформлял протокол осмотра места происшествия, машинально записывая то, что говорил судебный медик. Он впервые за время работы следователем СК был ранее знаком с жертвой. Точнее, не далее, как вчера вечером они столкнулись в подъезде, как раз у семнадцатой квартиры, где и жил Костин. Рассеянно поздоровались друг с другом, так как заняты были каждый своими мыслями и, кивнув, разошлись – Костин на выход, а сосед, Федор Ямской, – к себе на второй этаж. Костин тогда подумал, что поговорить с ним нужно бы – не нравятся ему в последнее время посторонние звуки в двигателе его «китайца», пригнать бы на диагностику на одну из СТО, которыми сосед владел. Но когда Костин об этом вспомнил, хлопнула дверь, Ямской был уже наверняка внутри квартиры.

А потом забылось. Теперь вот не поговоришь...

– Я закончил, можно увозить тело, – подошел к нему судмедэксперт Грачев. – Сергей, не мое дело, но самоотвод возьмешь? Это же твой сосед?

– Да. Утром передам, когда отдежурю.

– Хороший хоть мужик? Жаль?

– Нормальный. Дочь без жены воспитал. Вот Ксюху жалко, одна осталась.

– Взрослая?

– Двадцать пять. В Москве живет. Кстати, позвонить нужно, пока доедет... – сказал Костин и задумался: номера телефона Аксиньи у него нет, придется в квартиру подняться, там с Федором женщина живет. Кажется, его секретарь. Черт, тянет этих пожилых мужиков на молодое тело! Мозгов нет? Не ясно разве, что от него только деньги нужны?

Сам Сергей женат не был. В любовницах предпочитал ровесниц. Умных, не замороченных на внешности и лишних килограммах. И желательно, материально независимых...

– Ладно, я уехал. Заключение отдам завтра. Пока, – попрощался Грачев.

– Отдашь, но не мне, – заметил Костин с облегчением. Это правильно, что нельзя вести дело, где замешаны близкие. А сосед и есть близкий – разделяет их всего этаж. Плохо, что дело начальство наверняка отдаст Рахматуллину. Этот лишний раз плотный зад от стула не оторвет. Ладно зад наел, так и мозги жиром заплыли, работают только, когда перед глазами ассигнации маячат, либо дело резонансное.

Сергей вновь посмотрел на тело соседа. Какой-то неумелый стрелок поработал, явно не профи, а значит – не заказное. Охранника вырубил ударом кулака сверху, то есть высокого роста, не меньше метра восьмидесяти. Странно, что добивать не стал, хотя вооружен. Появился неожиданно сзади, когда мужик курил на крыльце. Обернуться охранник не успел, лицо напавшего не увидел. Входная дверь была закрыта (по инструкции), карта-ключ оставалась у охранника в нагрудном кармане форменной куртки, а попал в помещение преступник через балкон второго этажа. А на балкон поднялся по канату: закинул крюк-кошку на балюстраду... альпинист, так его! В солидном возрасте так не попрыгаешь, скорее всего – мужчина в расцвете сил.

Удивительно, что офис Ямского в Центральном районе, да еще и в старинном особняке, аренда дорогая, а охрана – пенсионер без оружия.

Костин сел в офисное кресло, натянул перчатки и выдвинул верхний ящик стола. Бумаги, бумаги... В следующем тоже. Федор был аккуратист – все по папочкам и скоросшивателям. В нижнем ящике – легкие шлепанцы в пакете, в другом, с логотипом – плавки и резиновая шапочка. Ближайший бассейн на набережной, у Сергея самого абонемент туда.

Костин перешел к осмотру второй тумбы стола. Верхний ящик – аптечка. Отдельно – какие-то капсулы в таблетнице. Видимо, средство, потребляемое регулярно. Костин упаковал коробочку в прозрачный пакет. Остальные ящики этой тумбы были забиты всякой канцелярской мелочевкой.

На столе нет ни телефона, ни ноутбука, только грязный стакан и пара долек от плитки шоколада в обертке. Дешевая шоколадка и обыкновенный, тонкого стекла, стакан с утолщенным дном. Костин понюхал – не выветрился еще запах шампанского. Заглянул под стол – две пустые бутылки. Понятно, что пил недавно Федор в одиночестве. Что-то случилось? Как-то не замечал Костин за ним пристрастия к спиртному...

Одна вещь привлекла внимание – электронная книжка-читалка с воткнутой в нее флешкой на столе рядом с малахитовым канцелярским набором. Пароля не было, Костин легко открыл гаджет, посмотрел в хранилище – Федор Ямской увлекался только книгами о «попаданцах». Названия, авторы и только один файл с именем «Я». Литературный текст отсутствовал, но запись показалась ему любопытной: «BKd5, BFe2, ЧЛf1». Похоже, связана с шахматами, но могла ли возникнуть во время партии такая комбинация, Костин не представлял, так как игроком был более чем слабым. На всякий случай страничку сфотографировал на телефон, саму книжку уложил в пакет, чтобы отдать экспертам, потому что больше ничего необычного в гаджете не нашел.

Удивившись спартанской обстановке кабинета (стол, кресло, мягкий диван, столик со стеклянной столешницей, вешалка), Сергей заметил в углу открытый сейф, стоявший на низкой тумбе. В нем явно копался не хозяин кабинета. Все папки с документами были засунуты кое-как, сверху лежала пачка наличных в пяти тысячных купюрах, на взгляд – тысяч сто. «Выходит, не ограбление. Преступник приходил за конкретной вещью. Либо свести счеты», – подумал Костин и посмотрел на часы – девятнадцать тридцать. Сожительница Ямского должна быть в это время дома.

Он видел ее лишь раз – женщина спускалась по лестнице, он закрывал дверь своей квартиры. Красота ее бросилась в глаза, то есть взгляд Костина зацепился за правильность черт, но только на мгновение. Она поравнялась с ним, при ближайшем рассмотрении ему вдруг показалось, что из натурального здесь разве что разрез глаз – миндалевидный, да еще зрительно удлиненный четко нарисованными стрелками. Интерес к красоте сразу пропал, Сергей поздоровался небрежным кивком и тут же о ней забыл – торопился «на труп».

Теперь придется сообщить ей о том, что Ямской мертв. И спросить телефон падчерицы, дай бог, чтобы он у нее был! «Стоп. А можно узнать и у Толика», – вспомнил Костин еще об одном соседе по подъезду. Фитнесс-клуб, которым владел вернувшийся с СВО Анатолий Снегирев, находился на той же улице в пяти минут ходьбы от офиса Федора Ямского. Костин решил пройти пешком, тем более, что с парковками в центре города были проблемы, а он удачно поставил свой громоздкий внедорожник на закрытой территории.

«По-моему все, кто знал Аксинью и Анатолия, были уверены, что они поженятся. Ан нет, девушка удрала от «жениха» в Москву. Уверен, с молчаливого согласия Федора. Он как-то сказал, что не хочет мешать дочери, вот и не остановил. Да, Толян был тогда незавидным женихом для этой умненькой и хорошенькой девочки. Еще эта история с препаратами... Но другом-то он ей остался. Или нет? Вот сейчас и узнаем», – размышлял Сергей по дороге к клубу.

* * *

Милорада Светличная смотрела на дочь, которая плескалась в детском бассейне. Надувной круг надежно удерживал девочку на поверхности, но Мила все равно боялась выпустить ее

из поля зрения. Казалось, отведет взгляд, и детская головка тут же скроется под толщей воды. Как тогда, два года назад...

Лада тонула в море. Бестолочь-мать, как ее назвала после случившегося бабка Мария, не уследила за дочерью. А то, что рядом с трехлетним ребенком находился в это время родной отец, в расчет не принималось. Олег Светличный, подполковник юстиции, был в семье фигурой необсуждаемой, любимым зятем, непререкаемым авторитетом и прочее, прочее. А она, Мила? «Скажи спасибо, что у тебя такой муж – москвич, красавец, при должности и не старый! А любит как! Смотри, не кочевряжься! В нашем положении...» – напутствовала ее бабка Мария.

А положение до замужества Милорады действительно было аховым. Мама болела, бабка тайком ворожила приходящим теткам, сама Мила работала официанткой в небольшом баре на окраине Москвы. Выживание на грани нищеты.

В две тысячи пятнадцатом году после убийства отца Милы, коммуниста Богдана Лазо, они едва успели сбежать из Молдовы. Бежали втроем: бабка Мария, мать и Мила. Два чемодана на троих, сумка с документами и бабкино наследство: дивной красоты золотые украшения в старинном бархатном ридикюле, доставшиеся ей от ее матери-румынки. Когда добрались до Москвы, сумочка была почти пуста. Остались золотые серьги и браслет с сапфирами – бабка никак не могла с ними расстаться. Остальные украшения ушли на взятки.

Когда стало совсем худо, бабка Мария предпочла продать ее, Милу, а не золото. В рабство подполковнику юстиции Светличному, о жестокости которого Мила не могла даже пожаловаться, потому что знала, что ей скажет бабка – терпи. А мама, как обычно, промолчит.

Бабка Мария, собственно, и свела их вместе. В буквальном смысле – приворотным обрядом. И не мужика к ней приворожила, а ее к нему. Мила словно в тумане поставила свою подпись в ЗАГСЕ, отсидела за столом на свадебном банкете, но вдруг взбунтовалась, когда муж стал ее раздевать, чтобы уложить в постель. Он был у нее не первым, но прежний опыт был с любимым. Оттого и омерзительно стало от прикосновений рук чужого мужика – она резко оттолкнула его, после чего получила первую в своей жизни оплеуху. И далеко не последнюю. Он не бил ее только беременную Ладой. Замахивался, но удар приходился по чему-то, подвернувшемуся под руку – столешнице, стене, дверце шкафа. Везде оставались глубокие отметины. Он уходил на службу, Мила же вынашивала план побега. Копила деньги – слава богу, бытовые расходы муж не контролировал. Но большие суммы в копилку откладывать опасалась. Самое главное было – суметь скрыть свои планы от бабки Марии, которая пристально за ней наблюдала. Жили они со Светличным в его квартире, но муж снял для ее родственников жилье поблизости, в доме напротив. Мила была уверена, что с бабкой у него была договоренность – он содержит ее и ее больную невестку, а бабка следит за поведением внучки в его отсутствие: в кухонное окно их с мамой квартиры была видна входная дверь в подъезд дома зятя.

Мила старалась из дома лишний раз не выходить. С дочкой гуляла только на дворовой детской площадке.

Ей помог случай. Она даже поначалу растерялась, не зная, как его распенить: как подарок судьбы или как беду. Однажды при очередном застолье Светличному стало настолько плохо, что пришлось вызывать скорую помощь. Врачи констатировали инсульт, из больницы муж Милы вернулся домой практически «овощем».

Бабка тут же засуетилась – засветило наследство, казалось, немалое, но – после его кончины. Завещания, как когда-то сообщил сам Светличный Миле, он оставлять не собирался – суеверно полагая, что как напишет, так и... Так что, Мила и ее дочь к радости бабки Марии получались единственными наследницами – в первом браке подполковник Светличный детей не нажил.

Но сколько лет еще может протянуть в таком состоянии несчастный больной, не могли сказать даже доктора. Прогнозы давали неутешительные, и без всякой надежды на полное восстановление все же советовали физиотерапию, квалифицированный уход, любовь и терпение.

«Терпи, Мила...», – уговаривала себя Милорада, хотя даже представить не могла, как будет ухаживать за мужем. Светличный весил около ста тридцати килограммов, денег на сиделку не было (ее накоплений, как посчитала Мила, хватило бы на оплату трех-четырех месяцев, а еще на что-то нужно было жить), доступа к банковскому счету мужа у нее не имелось. А сама она даже перевернуть мужа с боку на бок не могла. Ни бабка Мария, ни тем более сердечница мама ей не в помощь...

Она уже было отчаялась, но тогда в ее жизни появилась первая жена Светличного Надежда. Что удивило Милу – та пришла не требовать поделиться наследством, а с деловым предложением.

Мила, так до сих пор не определившая для себя, радоваться ей тому, что больше ее никто бить не будет, или плакать из-за физической немоги мужа, приняла ее настороженно. Хотя почему-то женщина ей понравилась с порога – Надежда не была настроена агрессивно, напротив – излучала приветливость и искреннее сочувствие. Мила не стала прогонять ее, а пригласила пройти в квартиру.

После, выслушав гостью, она решила, что все же подарком судьбы эту ситуацию с мужем назвать было нельзя: Надя убедила, что Милу ждет каторжная работа. Поэтому к словам гостьи она отнеслась с мудрым спокойствием, а ее предложение приняла уже чуть не с радостью – женщина заявила, что согласна ухаживать за бывшим мужем до самой его кончины, если Мила сделает нотариальный отказ от имущества Светличного, которое достанется ей после его смерти, в ее пользу.

Мила даже советоваться с бабкой и матерью не стала. Тем более, что в качестве отступных Надежда уже сейчас отдавала ей (точнее, маленькой Ладе) приличный сельский дом на берегу Волги. Село Калиновка находилось всего в пятнадцати километрах от областного центра, близко от трассы, транспорт, как сообщила Надя, в город ходил регулярно, то есть жить там можно было круглогодично.

Оформили документы, и только тогда Мила призналась бабке и матери в том, что совершила вот такую странную сделку. Удивительным для нее стало то, что бабка Мария внучку не ругала. Наверное, жить в столице, да еще в съемной квартире, ей не нравилось – в Молдове у нее был свой дом, поэтому новость, что можно будет вновь дышать свежим сельским воздухом, а не городской пылью, ее обрадовала. Так тогда для себя решила Мила.

С Надеждой они расстались по-доброму, та пообещала держать Милу в курсе состояния здоровья мужа и сообщить, когда тот отдаст богу (или, скорее, дьяволу) свою грешную душу в вечное пользование. «Милка, только себя не совести, – напутствовала ее Надя. – Дрянь мужик наш муж, что уж тут. Получил по заслугам». – «А зачем же ты взвалила на себя эту... тушу?» – искренне поинтересовалась Мила. – «Виновата я перед ним, Милка. Смертный грех на мне. Но какой – не скажу, не пытай. Так что отработывать стану. Ну, давай, езжайте с богом. На связи», – ответила та и закрыла за ней дверь квартиры Светличного.

Дом в Калиновке оказался даже лучше, чем представляла Мила. Крепкий бревенчатый пятистенник стоял на высоком берегу реки, вниз спускалась добротная сделанная лестница с периллами, а у самой воды была небольшая полоска чистого золотистого песка. Фруктовый сад, место под грядки, небольшая банька и открытая шестиугольная беседка с двумя входами под тенью старого грушевого дерева. В доме – три светлые спальни и одна общая комната с круглым столом, покрытым затейливо связанной крючком белоснежной скатертью, в центре. Такие же кипенно-белые салфетки были повсюду – на трюмо, этажерке с книгами и даже на подушках, уложенных пирамидками поверх ярких лоскутных покрывал. Пожалуй, выпадал из этого деревенского уюта лишь вполне современный плоский телевизор. Но и тот был покрыт связан-

ным крючком чудом. Надежда оставила дом в идеальном состоянии, в подполе Мила обнаружила запасы солений, в кладовой – банки с компотами и вареньем. Подробная «инструкция», где, что лежит, и как пользоваться котлом отопления, водопроводом и баней, была написана на вырванном из школьной тетради листе в линейку: мелким почерком были заполнены все строчки.

Мила не удержалась от звонка Надежде. Та на ее благодарности лишь заметила, что, это же нормально, не доставлять людям лишних хлопот – пользуйтесь на счастье.

Через неделю Мила уже нашла работу в городе – секретарем у Федора Ямского.

Когда влюбилась в своего шефа, она точно припомнить не смогла бы. Наверное, ее любовь поначалу была крохотным ростком: однажды, заметив пристальный взгляд Федора, Мила почувствовала волнение. Потом поймала себя на мысли, что уже давно живет двойной жизнью. В одной – с мамой, дочкой и бабкой в деревенском доме. И там она счастлива. Другую жизнь она проживает на работе. И в ней нет места никому, кроме Ямского. Мила мысленно продолжала их короткие деловые диалоги, они в ее воображении были почти что интимными, то есть сопровождалась ласковыми взглядами, нечаянно-нежными соприкосновениями рук, ненавязчивой заботой друг о друге. И какой-то недосказанностью. Пусть каждый день остается то, о чем можно мечтать завтра.

Мила запомнила все его привычки, это было несложно – Федор был неприхотлив. Она старалась из обрывочных разговоров узнать, как у него дела, чтобы предупредить неприятности. Так однажды она уберегла шефа от сделки с мошенником. Правда, помог случай: посчитав ее за мебель, аферист прямо в приемной стал обсуждать с подельником, на какую сумму «нагреет» Ямского. Окончания разговора Мила не слышала, но тут же предупредила шефа.

Федор был благодарен: на следующий день принес цветы и подарок: золотой браслет. Цветы она приняла, а от золота отказалась, обидевшись всерьез. Растерявшийся Ямской попросил с ним хотя бы... отобедать. Позови он на ужин, Мила не пошла бы...

После совместного обеда все пошло по-старому. Только пристальные взгляды Мила стала ловить на себе чаще. И это ее, как и прежде, волновало.

Как отреагировал муж на смену жен, Милорада у Надежды не интересовалась. Жалоб от Нади она не слышала, только каждый раз после разговора с ней недоумевала – что же такого могла совершить женщина, чтобы так себя наказать во цвете лет – Наде не было и пятидесяти...

Они не потеряли связь и после смерти Светличного...

Звонок мобильного Милорада расслышала не сразу, и когда посмотрела на экран, очень удивилась: с соседом Ямских с первого этажа она была почти не знакома.

Она молчала все две минуты тридцать восемь секунд, столько длился монолог майора Костина, Мила потом зачем-то посмотрела время. Когда он замолчал, кивнула. Но тут же сообразила, что он ее кивок видеть не мог.

– Я все поняла. То есть, я ничего не поняла, но вы же объясните мне толком, что случилось, когда приеду? Когда? Сейчас закажу билет, – спокойно ответила она на вопрос Костина, почему молчит. – Только не нужно говорить мне, что Федя умер, этого просто не может быть! – добавила она с агрессией, вдруг разозлившись: несет этот майор, простите, какую-то... ахи-нею! У них свадьба через два месяца, они так решили! А после...

«Сочувствую вашему горю», – услышала она последние слова Костина.

Она слышала эти ничего не значащие для говоривших слова десятки раз. Когда хоронили ее первого любимого – Драгоша Балан, он разбился на мотоцикле. И раньше, на похоронах ее отца Богдана Лазо. Люди подходили к ней с этой, заготовленной загодя фразой, а она не верила им. Потому что это не они, а она потеряла близких. Это – ее горе, которое они понять не могут...

Мила вспомнила, что еще днем был странный звонок – дочь Федора Аксинья, не поздоровавшись, потребовала позвать отца. Мила ответила, что она на море, а он остался дома. Только, видимо, связь была плохой, потому что Аксинья быстро отключилась. Поняла ли она ее? Скорее, нет...

Мила набрала номер мобильного матери.

– Мама, звонил майор Костин, что-то случилось с Федором, я должна уехать. Смени меня у детского бассейна, боюсь, Ладу сейчас из воды не выманить. Хотя ей пора уже ложиться спать, – сказала она и горько заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.